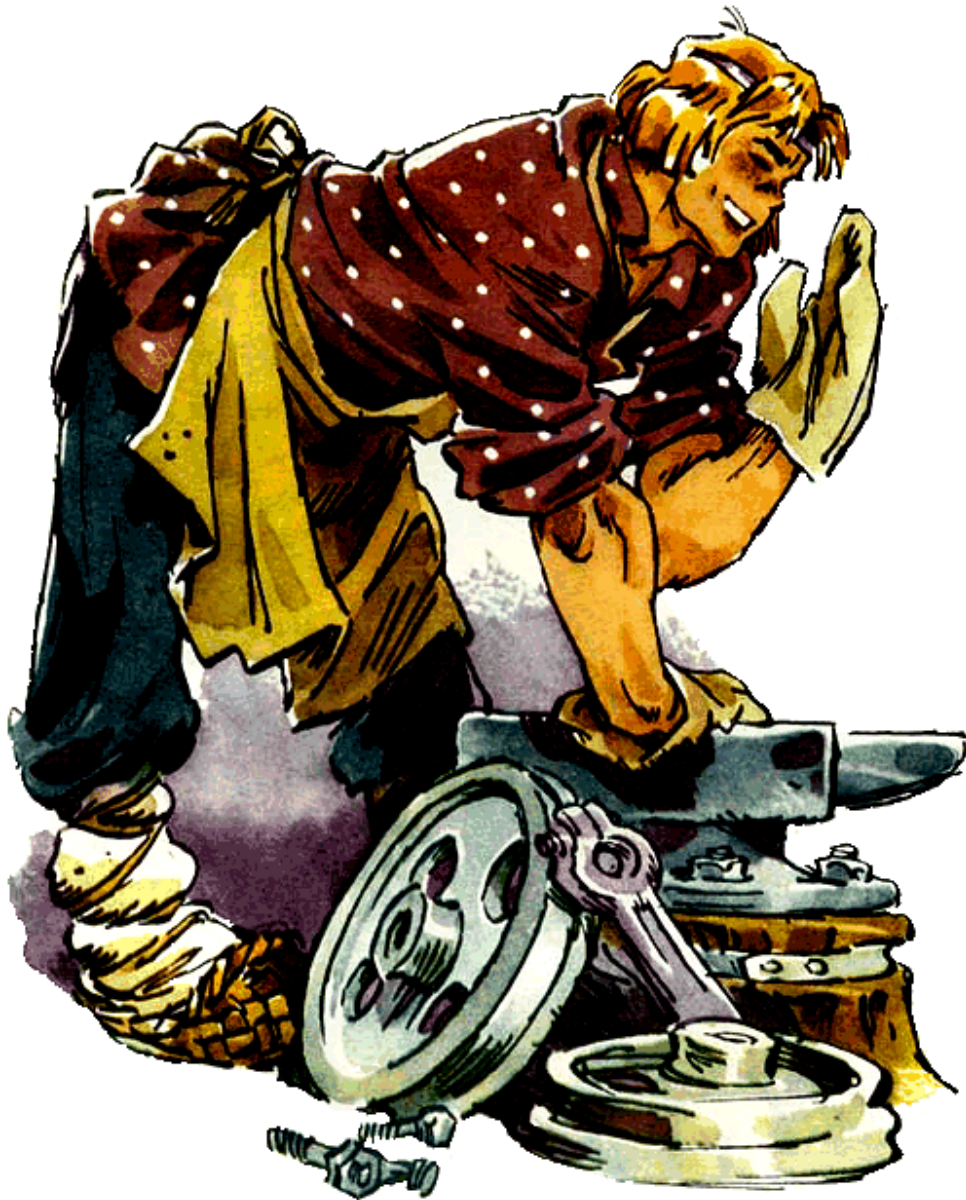


Евгений Андреевич Пермяк

Как самовар запрягли



Про одно и то же разные люди по-разному сказки сказывают. Вот что я от бабушки слышал...

У мастера Фоки, на все руки доки, сын был. Тоже Фоккой звали. В отца Фока Фокич дошлый пошёл. Ничего мимо его глаз не ускользало. Всеу дело давал. Ворону и ту перед дождём каркать выучил — погоду предсказывать.

Сидит как-то Фока Фокич — чай пьёт. А из самовара через паровик густо пар валит. Со свистом. Даже чайник на конфорке вздрагивает.



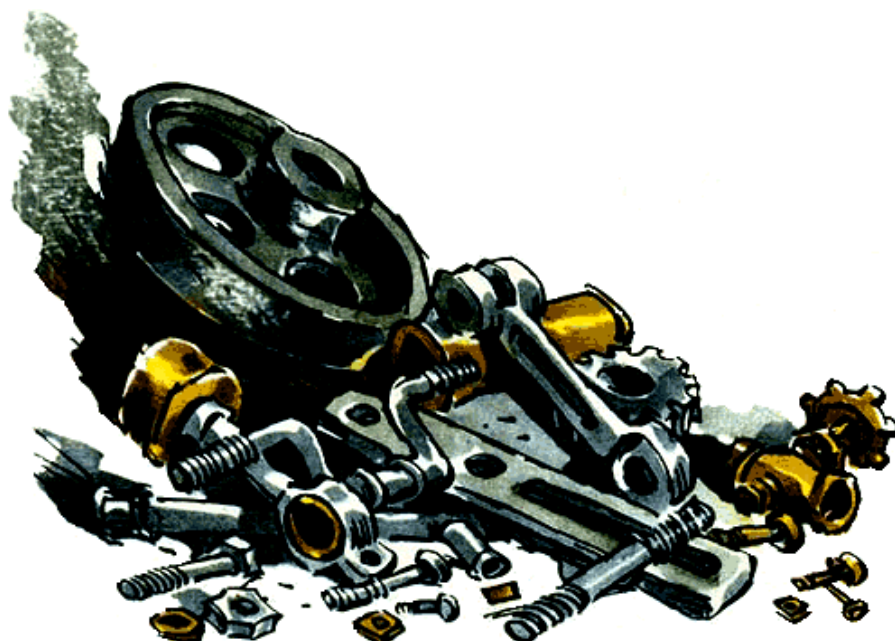


— Ишь ты, какая сила пропадает! Не худо бы тебя на работу приставить, — говорит Фока Фокич и соображает, как это сделать можно.

— Это ещё что? — запыхтел-зафыркал ленивый Самовар. — С меня и того хватит, что я кипяток кипячу, чайник грею, душеньку песней веселю, на столе красуюсь.



— Оно верно, — говорит Фока Фокич. — Только песни распевать да на людях красоваться всякий может. Неплохо бы тебя, Самовар, хлеб молотить приспособить.



Как услышал это Самовар — вскипел, кипятком плеваться начал. Того гляди, убежит. А Фока Фокич сгрёб его да на молотильный ток вынес и давай там к нему рабочее колесо с хитрым рычагом пристраивать.

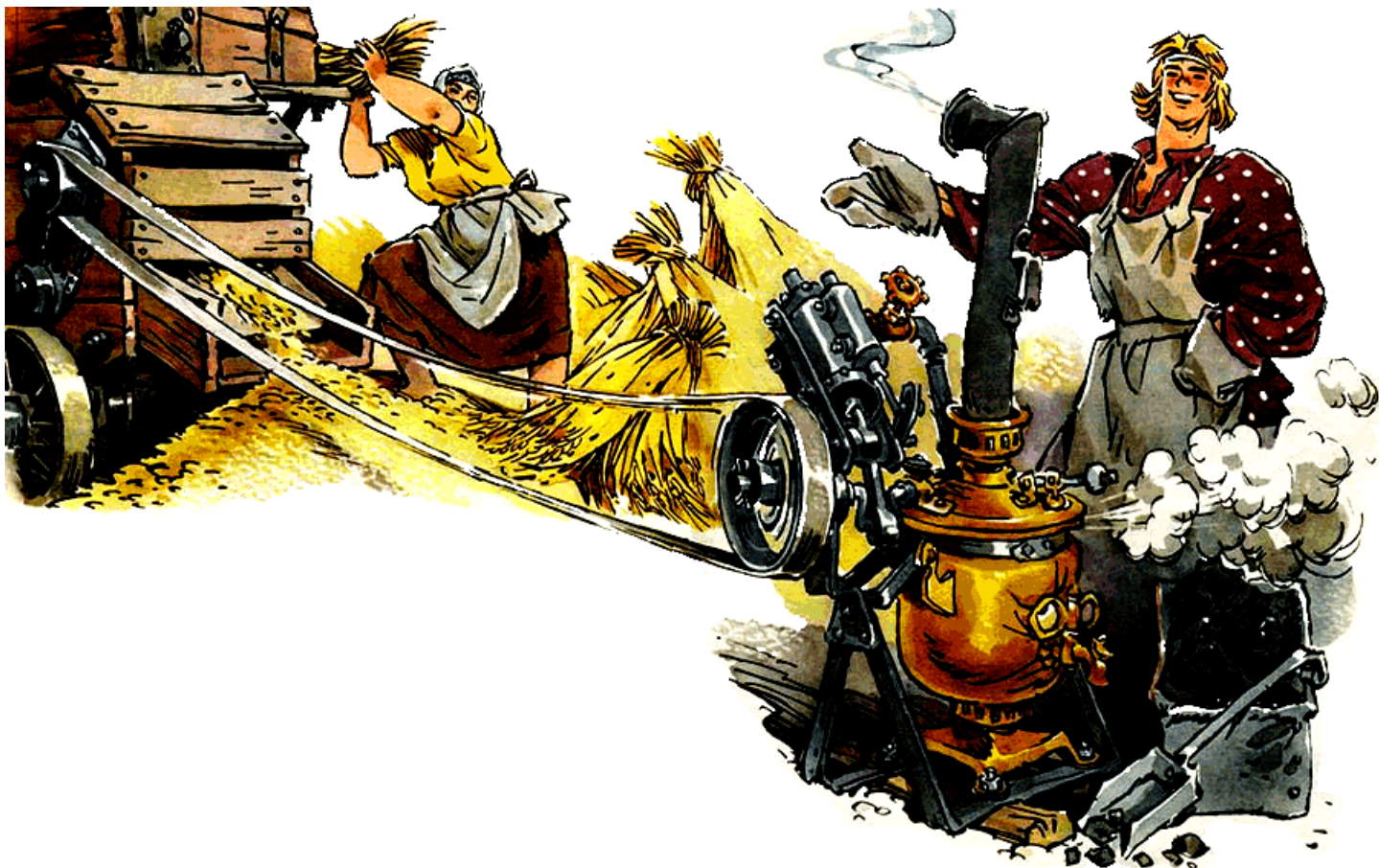


Пристроил он колесо с хитрым рычагом и ну Самовар на полный пар кипятить. Во всю головушку Самовар кипит, колесо вертит, хитрым рычагом, как рукой, работает.

Переметнул Фока Фокич с рабочего колеса на молотильный маховичок приводной ремень и:

— Эх, поспевай, не зевай, снопы развязывай, в молотилку суй.

Стал Самовар хлеб молотить, паровой машиной прозываться. А характер тот же остался. Сварливый. Того гляди, от злости лопнет — паром обварит.



— Вот ты как! — говорит Фока Фокич. — погоди, я тебе работёнку получше удумаю.

Долго думать не пришлось. Захромала как-то у Фоки Фокича лошадь. А в город ехать надо. И надумал Фока Фокич Самовар запрячь.

Повалил Фока Фокич Самовар набок. Загнул ему трубу, чтобы она в небо глядела. Приладил под него крепкие колёса. Отковал хитрые рычаги-шатуны да и заставил их колёса вертеть. А чтобы Самовар со злости не лопнул, добрым железом его оковал.

Потом прицепил к Самовару тарантас, а к тарантасу телегу, загрузил чем надо, поднял пары и:

— Эх, поспевай, куда надо поворачивай. Пару поддавай!

Стал Самовар людей и поклажу возить — паровозом прозываться. А характером ещё злее стал.



— Ну ладно, — говорит Фока Фокич. — Я тебе не такую работу удумаю.

Опять долго ждать не пришлось. Лето безветренное выдалось. Паруса на кораблях, как трава в засуху, сникли. А за море ехать надо. Хлеб везти. Тут-то и надумал Фока Фокич Самовар на корабль перенести.

Сказано — сделано. Трубу ещё выше нарастил. Самовар в трюм поставил. Корабельные колёса смастерил, а к ним шатунные рычаги приспособил и:
— Эй, не зевай, успевай! Рулём рули — куда надо правь.

Начал Самовар людей да товары за море возить — пароходом прозываться. Тут-то уж он вовсе послушным стал. Уступчивым.



Вот как оно, дело-то, было.

Другие, может быть, и по-другому рассказывают. Только моя бабушка врать не будет. Сама она это всё видела и мне пересказала. А я — вам.

